

После дня рождения Гу Чуюй чувствовала себя так, словно её затянуло в гигантский безмолвный омут.

Дорогое ожерелье, подаренное Лин Яо, она небрежно зашвырнула в самый дальний угол шкапулки, решив вычеркнуть его из памяти вместе с тем нелепым контрактом. Все её мысли теперь занимали лишь те сокровища-безделушки, что хранились в ящике письменного стола, да то чувство, с которым Цзин Мяои окружала её заботой — тяжёлое, почти удушающее, но притягательное.

Она стала пугающе тихой. Больше не пыталась привлечь внимание прежними капризами и выходками. Гу Чуюй часто сидела у окна, обхватив колени руками, или подолгу гладила пальцами обложку рукописного сборника стихов, а в её оленьих глазах читались растерянность и глубокая, непривычная задумчивость.

Она пыталась понять. Пыталась осознать.

Это чувство было слишком бурным и слишком скрытным. Оно вызывало у неё инстинктивный страх, но в то же время манило, словно магнит, заставляя делать шаг за шагом навстречу. В разгар этого смятения Цзин Мяои сообщила, что ей нужно сопровождать её на важный светский приём.

— Просто покажешься, а потом можешь уехать пораньше, — тон Цзин Мяои был, как всегда, ровным и бесстрастным, словно она давала обычное рабочее поручение.

Гу Чуюй не стала отказываться. В глубине души она даже ощутила некое предвкушение. Это был первый раз с момента возвращения Цзин Мяои в страну, когда они вместе появлялись на публике. Ей хотелось знать, как они выглядят со стороны в глазах окружающих. И ещё ей хотелось... просто подольше побыть рядом и посмотреть на Цзин Мяои.

Вечер был роскошным: шуршание дорогих тканей, звон бокалов, приглушённый свет. Цзин Мяои в своём чернильно-синем бархатном костюме выглядела безупречно. Высокая, статная, с гладко уложенными волосами, она с момента появления стала центром всеобщего внимания. Она легко лавировала между гостями, вела беседы с ледяным спокойствием и врождённой грацией. Её мощная аура делала её похожей на самую далёкую, но при этом самую яркую звезду в ночном небе — холодную, величественную, недостижимую.

Гу Чуюй в изящном нежно-розовом платье послушно следовала за ней, словно защищённая фарфоровая куколка. Она чувствовала на себе десятки взглядов — открытых и украдкой брошенных, полных любопытства, зависти и, возможно, едва уловимой опаски. Она знала: всё это внимание адресовано не ей, а той, кто стоит рядом. Осознание того, что она находится под чьим-то надёжным крылом, вызывало в душе странное чувство покоя.

Лин Яо тоже был там. И он, конечно, заметил их.

После того неудачного подарка на день рождения и череды свиданий, сорвавшихся из-за различных случайностей, самоуверенная улыбка покинула его лицо. Теперь в его взгляде, обращённом к Гу Чуюй, читались досада и сложное, горькое чувство. Он не мог смириться с ролью проигравшего — инструмента, который выбросили за ненадобностью после того, как использовали.

Он взял бокал с вином, пробрался сквозь толпу и направился прямо к ней.

— Чуюй, — он остановился перед ней, вновь натянув на лицо мягкую, доверительную улыбку, словно пытаясь создать видимость их прежней близости. — Ты сегодня очень красива.

Гу Чуюй слегка нахмурилась и машинально отступила на полшага, увеличивая дистанцию.

— Спасибо, — ответила она вежливо, но отстранённо.

Лин Яо словно не заметил холода в её голосе. Его взгляд скользнул к Цзин Мяои, которая о чем-то беседовала неподалёку, и в его глазах мелькнула тень. Охваченный внезапным порывом доказать своё превосходство и заявить права на неё, он решился на смелый жест. Он сделал шаг ближе к Гу Чуюй, озарил её своей самой обаятельной улыбкой и протянул руку, собираясь по-хозяйски обнять её за тонкую талию.

— Здесь слишком много людей, давай отойдем куда-нибудь, где потише...

Он не успел договорить. Его рука только начала движение, как Гу Чуюй, подобно испуганному оленёнку, резко дёрнулась. Сработал инстинкт: она молниеносно отпрянула в сторону, решительно избегая прикосновения. В её движении не было лишнего шума, но оно было пропитано недвусмысленным отказом и... едва заметным отвращением.

Рука Лин Яо повисла в воздухе. Его улыбка застыла, а лицо исказилось от замешательства и стыда. Он не ожидал, что реакция Гу Чуюй будет такой резкой и бескомпромиссной.

В этот самый миг — в долю секунды — Гу Чуюй невольно подняла голову.

Её взгляд пронзил толпу и неожиданно столкнулся с другим взглядом.

Цзин Мяои, закончив разговор, стояла неподалёку. В её руке был бокал шампанского, осанка оставалась безупречно прямой. Но её глаза...

Сердце Гу Чуюй сжалось, словно его стиснула ледяная рука, и на мгновение она забыла, как дышать. Те самые холодные, прозрачные глаза пристально смотрели на неё... и на руку Лин Яо, зависшую в воздухе.

Этот взгляд... он был пронзительно холодным. Словно вечная мерзлота Сибири или острые осколки отравленного льда. В глубине этих глаз бушевало нечто, чего Гу Чуюй никогда раньше не видела — почти разрушительная эмоция. В ней читались ярость, мрачность и безумие, готовое разорвать любые оковы разума, чтобы стереть в порошок всё, что мешает на пути.

Это чувство было таким мощным и пугающим, что казалось, будто оно вот-вот станет осязаемым и заморозит, разорвёт на части весь банкетный зал.

Всё длилось лишь мгновение. Так быстро, что никто вокруг ничего не заметил. Цзин Мяои опустила веки, скрыв всё, что было в её душе. Когда она снова подняла взгляд, в нём вновь царило привычное спокойствие, словно тот жуткий взгляд был лишь игрой воображения Гу Чуюй, вызванной стрессом. Она даже слегка наклонила голову, кивнув кому-то из гостей с безупречной вежливостью.

Но Гу Чуюй знала: это не было ошибкой. Она стояла на месте, чувствуя, как леденеют руки и ноги. Лин Яо сконфуженно опустил руку и начал что-то лепетать в оправдание, но Гу Чуюй не слышала ни слова. Все её чувства были парализованы тем коротким обменом взглядами.

Этот взгляд пугал больше, чем любые словесные угрозы или деловые удары. Он обнажал то, какая страшная буря скрывается под спокойной оболочкой Цзин Мяои. Это была не просто ревность или недовольство. Это была инстинктивная, абсолютная жажда обладания и разрушительное желание уничтожить любого, кто посмел посягнуть на её собственность или нарушить контроль.

Гу Чуюй наконец по-настоящему ощутила, какая пугающая одержимость и безумие скрываются за той заботой, которую она так ценила.

Лин Яо, кажется, тоже почувствовал неладное. Не став больше испытывать судьбу, он поспешно придумал предлог и удалился.

Оставшуюся часть вечера Гу Чуюй провела как в тумане. Она тихо держалась рядом с Цзин Мяои, словно послушная тень. Та больше не смотрела на неё и не проявляла никаких признаков гнева, продолжая с достоинством общаться с гостями. Но Гу Чуюй отчётливо ощущала, как вокруг них сгущается невидимый, давящий холод. Это была аура Цзин Мяои. Как бы она ни старалась скрыть свои чувства, полностью спрятать их было невозможно.

Дорога домой прошла в тишине. Цзин Мяои закрыла глаза, отдыхая, и её профиль в свете проплывающих за окном неоновых огней казался высеченным из камня. Гу Чуюй сжалась в углу сиденья, украдкой наблюдая за ней. В голове раз за разом всплывал тот холодный взгляд, пропитанный жаждой разрушения.

Ей было страшно. Но, как ни странно, в глубине души, помимо страха, зародилось нечто иное... извращённый, тайный трепет.

Этот взгляд был адресован ей. Это безумие, едва не вышедшее из-под контроля, было вызвано ею. Осознание этого, словно бомба, брошенная в глубину, подняло в её сердце нешуточную волну.

Она наконец поняла: человек, которого она задела, — вовсе не нежная старшая сестра, которую можно безнаказанно испытывать. Это безумная натура, скрытая под айсбергом, обладающая чудовищной жадой обладания и разрушительной силой.

И, кажется, она сама... вовсе не хотела сбежать.

Машина плавно неслась сквозь ночной город. Гу Чуюй всю дорогу была погружена в свои мысли, и тот холодный взгляд никак не отпускал её.

<http://bllate.org/book/19581/1920153>